

ПЕРЕЧИТЫВАЯ КЛАССИКУ

Неявный диалог

УДК 821.161.1.3(Достоевский Ф. М.) ББК Ш33(2Рос=Рус)-8,44

Христо Манолакев
София, Болгария

СТАВРОГИН И ПЕЧОРИН

Аннотация. Автор статьи отстаивает мнение о правомерности исключения главы «У Тихона» из основного текста романа Достоевского «Бесы». Исповедь Ставрогина ориентирована на «дискурс умолчания» исповеди Печорина. В статье высказывается мысль о том, что Ставрогина нельзя относить к типу «лишних людей» в литературе XIX в., это образ человека с разложившейся душой, отвергающей покаяние. Смысл главы «У Тихона» заключается в опровержении Достоевским литературных конвенций.

Ключевые слова: Достоевский, исповедь, Ставрогин, дискурс, повествовательная модель, литературные конвенции.

Hristo Manolakev
Sofia, Bulgaria

STAVROGIN AND PECHORIN

Abstract. The author defends the legality of the chapter “At Tikhon’s” elimination from the main text of Dostoyevsky’s novel “Demons”. Stavrogin’s confession is oriented on the “discourse of silence” of Pechorin’s confession. The article suggests the idea that Stavrogin cannot be attributed by the type of “superfluous men” in the literature of the XIX century. This image of a man with a decayed soul rejects repentance. The connotation of the chapter “At Tikhon’s” is in denial literary conventions by Dostoevsky.

Keywords: Dostoevsky, confession, Stavrogin, discourse, narrative model, literary convention.

Под именем «От Ставрогина» так называемая *исповедь* Ставрогина была частью подготовленной для публикации девятой главы «У Тихона» романа Ф. М. Достоевского «Бесы». Она следовала после нынешней восьмой — «Иван-царевич», и по предварительному замыслу ею должна была закончиваться вторая часть романа [Достоевский 1975: 237–246].

Как известно, редактор журнала «Русский вестник» М. Катков, где в 1871 году выходили «Бесы», снял уже откорректированный текст главы, потому что, по его мнению, читательская аудитория не была созревшей для шокирующего своим откровением самораскрытия героя. Сразу после завершения журнальной публикации вышло и самостоятельное издание «Бесов» (1873). Принято считать, что из-за недостатка времени для обстоятельной переработки рукописи писатель отказался вернуть снятую главу на ее первоначальное место.

Глава «У Тихона» впервые была опубликована в 1922 году. Уже с момента ее появления началась дискуссия, продолжающаяся, впрочем, и по сей день. Споры вызывает вопрос о том, как следует соотносить главу с существующим текстом романа, при том, что она является относительно законченной целостностью. Оформились два абсолютно противоположных взгляда. Сторонники первого настаивают, что главу необходимо восстановить на ее оригинальном месте в композиции романа. Сторонники второй точки зрения ссылаются на авторскую волю, считая каноничным акт отказа писателя вернуть главу обратно [Достоевский 1975: 246]. Твор-

ческая история главы и аргументы обеих сторон обстоятельно изучены, что делает излишним повторение хорошо известных фактов. Отмечу лишь то, что я придерживаюсь тезиса о каноничности авторской воли, т. е. главу «У Тихона» нужно публиковать отдельно, вне основного текста романа. Это, конечно, не означает, что главу нельзя интерпретировать.

Тогда возникающий сущностный вопрос можно сформулировать таким образом — *в каком аспекте анализа романа правомерно привлечь пропущенную главу?*

Глава имеет исключительное значение прежде всего тогда, когда исследуется литературно-историческая концепция Достоевского, его писательская позиция, определившая и своеобразие его героя. Через такой интерпретативный ракурс глава еще не анализировалась, в то же время она является важнейшим смысловым звеном в процессе эволюции идеи о Ставрогине.

Глава «У Тихона» композиционно состоит из трех подглав. В первой Ставрогин посещает Тихона в монастыре, чтобы получить у старца совет по поводу целесообразности публикации своей исповеди, раскрывающей мотивы прегрешений. Вторая часть содержит текст исповеди. Из признания Ставрогина выясняется, что в то время, когда жил в Петербурге, он неистово предавался разврату, в котором, однако, «не находил удовольствия» [Достоевский 1974б: 12]. Именно тогда он соблазнил четырнадцатилетнюю Матрешу. Спустя несколько дней они снова

были одни в квартире, Ставрогин догадывался о намерении девушки покончить с собой, но не остановил ее. Он остался вне всяких подозрений, а об оболещении никто не узнал. В третьей части передается разговор Ставрогина и Тихона об «исповеди». До этого момента Тихон не знал Ставрогина, однако в прочитанном он почувствовал то самозаблуждение, в которое впал его гость. Старцу написанное в исповеди открыло скрытое отчаяние Ставрогина, но без поиска путей к спасению, и поэтому он предложил другой выход, самый настоящий — путь религиозного смирения и покаяния, который Ставрогин отверг. Для Тихона эта отброшенная возможность явилась знаком, что внутренне его гость не готов порвать со своим прошлым. Старец понял, что Ставрогин стоит не перед просветлением, а у порога нового, более страшного преступления. Ставрогин ушел из кельи в бешенстве, так как Тихон психологически очень тонко почувствовал его трагическую безвыходность.

Из предыдущего сюжета романа очевидно, что никто из остальных героев не имеет четкого представления о Ставрогине. Сначала персонажей волнуют противоречивые слухи о странном образе жизни, которой Ставрогин ведет в Петербурге. Варвара Петровна, дабы развеять сомнения, настойчиво приглашает сына домой. При первом появлении в городе Ставрогин скандализирует общество тремя шокирующими выходками: «вдруг ... ухватил его [т. е. Гаганова — Х. М.] за нос двумя пальцами и успел протянуть за собою по зале» [Достоевский 1974а: 39]; «вдруг при всех гостях обхватил ее [т. е. мадам Липутину — Х. М.] за талию и поцеловал в губы, раза три сряду, в полную сласть» [Достоевский 1974а: 41]; «вдруг прихватил зубами и довольно крепко стиснул в них верхнюю часть его уха» [т. е. уха губернатора — Х. М.] [Достоевский 1974а: 43]. Это первая *de visu* встреча с героем, но даже и после нее, именно благодаря непонятной семантике этих «экзотических» жестов, он продолжает быть незнакомым и недоступным для остальных. Затем Ставрогин уехал за границу (формально — чтобы лечиться) и оставался там около четырех лет. Все это время до города доходили всякие слухи о прошлом Ставрогина, самый необычный и пугающий из которых — вероятная женитьба на хромой Марии Лебядкиной.

Событийный сюжет романа начинается в день, когда была назначена помолвка Степана Верховенского с Дарьей Павловной. В тот же день (воскресенье) в салоне Варвары Петровны, где после службы собрались по поводу назначенного события основные персонажи, неожиданно появляется и Ставрогин. Всеобщее внимание сразу фокусируется на нем. Первоначально просьбу матери объяснить свои взаимоотношения с Лебядкиной он обходит молча-

нием¹. А потом — воздерживается от ответа на пощёчину, полученную от Шатова. Этот отказ от реакции — Ставрогин вполне демонстративно «отдернул свои обе руки назад и скрестил их у себя за спиной» [Достоевский 1974а: 166] — является столь же неожиданным, непонятным и алогичным жестом.

После этого разворачивается серия встреч Ставрогина — с Варварой Петровной, с Кирилловым, с Шатовым, с Лебядкиной, с Петром Верховенским. И каждый из них остается разочарованным: прежнее представление о герое оказывается опровергнутым, но настоящая сущность Ставрогина так и не проясняется.

Последней стала встреча с Петром Верховенским, во время которой Ставрогин отказывался участвовать в политическом проекте, стать воскресшим Иваном-царевичем. Тем не менее, Верховенский подавил свое разочарование и ... угрожающим тоном дал Ставрогину три дня на размышление. Трехдневная пауза — важная граница в построении смысла. Происходит заметная нарративная перемена в результате вторжения прямого голоса героя в повествование (текст «От Ставрогина» (*Ich-Erzählung*)). Переход сюжетно аргументированный: и после возвращения Ставрогин по-прежнему остается энигмой для других, он единственный, кто в состоянии был бы разрешить загадку. Сюжет выстраивался при помощи семантического кода — искание ответа на вопрос «Кто же он?», появление Я-повествования является логичным, так как *сюжет дискурсивизирует и его точку зрения, окутанную до того момента молчанием*.

Появление нового нарративного регистра закономерно в проекциях лермонтовской повествовательной модели. После того, как прозвучало «исповедальное» слово Ставрогина, эта модель типологически воспроизводится в завершенном виде. До этих трех дней рассказ, построенный сюжетно как непрерывное смотрение на Ставрогина со стороны, оказывается исчерпанным и фабульно, и нарративно. Кружение вокруг героя ничего нового не добавляет. Отдельные точки зрения объединяются в своей констатации, что герой — различный. Но никто не успел проникнуть за видимость, в ту недоступную реальность, где зародилась констатированная перемена. В трехдневной паузе посредством текста «От Ставрогина» осуществляется переход от «внешнего» осматривания к «внутреннему» самораскрытию героя. В этом смысловом контексте сопоставления «Героя нашего времени» и «Бесов», текст «От Ставрогина» функционально-семантически соответствует «Журналу Печорина», вводя в неизвестную метафизическую сущность героя.

¹ Уточним — он не ответил на вопрос матери, а отвел хромоножку в ее дом, и в его отсутствие Петр Верховенский представил всем одну выдуманную мелодраматическую историю о женитьбе Ставрогина.

Связь «Ставрогин — Печорин» не является новой проблемой для исследователей, занимающихся генезисом и типологией героя Достоевского. Родственная близость героев обнаруживается либо в контексте идейного снижения печоринского богоборчества, которое в «Бесах» посредством «исповеди» Ставрогина было развенчано, либо в плане семантической трансформации мотива зла. Значимы для нашей интерпретации несколько исследований, содержащих более детальный сопоставительный анализ обоих сюжетов. Прежде всего, отметим статью американской исследовательницы Елизабет Стенбок-Фермор «Lermontov and Dostoevskij's novel *The Devils*», которая была написана в конце 50-х годов прошлого столетия. Она сопоставляет типологически нарративные механизмы, при помощи которых были созданы образы Печорина и Ставрогина и показывает, что Достоевский учитывает опыт «Героя нашего времени».

В обоих романах персонаж введен в дискурс посредством системы из трех разных нарративных ракурсов: повествователь о герое, другие о герое, герой о себе [Stenbock-Fermor 1959: 215–230]. Как самое общее, сопоставление это, безусловно, точно, но аналитично намеченная параллель поверхностна. Отсутствует проблематизация самой необходимости для данного межтекстового диалога. Иными словами, следует не просто констатировать, что существует какая-то близость между этими двумя романами, но и выяснить, что спровоцировало Достоевского дать герою возможность исповедоваться, высказаться от 1-го лица, подобно тому, как высказывает свою душу Печорин.

Статья Г. Егоренковой «Проблема общественной психологии в романе Достоевского „Бесы“. Трагедия Николая Ставрогина» расширила представление о встрече этих двух романов. Но вопреки убедительно указанным соответствиям между ними, автор все-таки воздерживается говорить о целенаправленном сближении Достоевского с чужим текстом, что создает ощущение случайности связи произведений [Егоренкова 1978: 491].

Статья известного исследователя творчества Достоевского Г. К. Щенникова: «Журнал Печорина» и «Исповедь» Ставрогина: анализ деструкции личности» одна из немногих, где сопоставляется исповедальное слово Печорина и Ставрогина. Нужно сказать ясно, что автор анализирует его только в типологическом плане. Видя в образе Печорина предшественника Ставрогина по силе разрушительных бесовских сил, завладевших душой человека, ученый все-таки рассматривает обе исповеди как параллельные, а не как генетически взаимосвязанные тексты [Щенников 2000: 154–162].

Вписывая Ставрогина в линию «лишних людей», исследователи выстраивают инерционную модель историко-литературного процесса: каждый

новый герой предстает как вариант некоего инварианта. В результате типологическое сближение Ставрогина с Печориным остается не проблематизированным. Однако возможно допущение, что Достоевский, ставя своего героя в интертекстуальную зависимость от Печорина, стремился оспорить идеологию «лишнего человека».

«Исповедь» раскрывает героя «Бесов» в категориях морального. После прозвучавшего откровения о прогнившей душе, еще сильнее начинает ощущаться фальшь демонстрированного перед всеми «идеологического» тела. Вспомним первое возвращение Ставрогина в родной город: ожидания встречающих относительно его поведения оказываются прочно смоделированы литературными образцами. Все уверены, что гость будет вести себя по модели, сочетающей печоринскую изощренную психологическую чувствительность и противостояние обществу с красотой разумной уравновешенности внутренне-духовной жизни тургеневских персонажей. Принципиальное семантическое отвержение литературных стереотипов происходит именно в тексте «От Ставрогина», раскрывающем нравственный распад героя. Самоанализ героя подсказывает, что «исповедь» имплицитно нагружена значениями своеобразного метатекстового кода, атрибутирующего Ставрогина как «печоринский тип». Однако исповедальное слово Ставрогина показывает знакомый эмблематический «печоринский образ» в другом идеологическом ракурсе.

Отталкиваясь от кодифицированных литературных конвенций об этом «типаже», Достоевский провоцирует нас задаться вопросом: *что является событием в «Журнале Печорина»?* Как правило, считается, что таким событием является «говoreние» Печорина, т. е. художественно-эстетический факт сам по себе. Но согласно Достоевскому, такое мнение — неправильный семантизирующий жест историков литературы, поскольку одновременно с голосом необходимо услышать и то, что слово не называет. В образе Печорина за видимостью выявленных знаков «внешнего» и «внутреннего» человека всегда есть и еще один, третий план, который говорящее о себе слово обходит молчанием. Кроме отношения к женщинам как средствам для утверждения собственного эго, речь идет о неизбежности разрушения чужого счастья, т. е. о намеренно причиняемом зле остальным людям. Как правило, письменный дискурс затеняет эту интенцию, или переозначивает ее иронией, или заменяет разговором о драматизме разрушительных стихий, владеющих сознанием и препятствующих достижению гармонии между намерениями и деяниями. Однако цель печоринского письменного дискурса вовсе не стремление искать причины недостижимости идеала, а только желание выявить и создать себя в качестве героя. Всё то, что мы узнаем о Печорине, о его

необыкновенной личности, о страстных порывах, о его напряженных размышлениях над тревожными вопросами бытия, об обвинениях против общества, не понимающего его, о пережитых глубоких страданиях и т. д., и т. п. — всё это способы самопрезентации в качестве героя своего собственного биографического сценария. Таким образом, этот «герой» или «играет» себя через знаки другого, или остается скрытым и недоступным в языке. Язык печоринского письменного дискурса не обычный посредник истины, а красивое слово, которое пытается убедить в чем-то, что может быть и неистинным. Этот язык сотворяет идентичность, в которой истина о себе оставлена вне письменного дискурса. Да, внешне он говорит о недоступной личной жизни, однако создает ей красивую «оболочку» с обманным настроением откровенности. Он амбивалентно играет в игру откровенности, которая не допускает проникнуть в умолченное о себе. Эта двойственность является семантическим кодом не просто романтической иронии, типологической для печоринского письменного дискурса, но и тем, что составляет смысл его бытия.

Достоевский уловил проявления этого умолчания и превратил его в порождающую метафору о своем герое. Таким образом, через нее, но уже в метатекстовом ракурсе, Ставрогин говорит и о том, о чем умолчал Печорин. Именно из-за этой предположенной метатекстовости, слово Печорина узнаваемо как общий внешний контур в слове Ставрогина. Достоевский сознательно сохраняет узнаваемость чужого в своем с целью — через перечитывание — демаскировать скрытую идеологию «печоринского типажа». Своим героем он показывает, как все опьянены и ослеплены красивым печоринским

говорением, не понимая, что за маской манящего слова есть и что-то другое. Смысл этого слова, по Лермонтову, в диалогизме, в том, чтобы поделиться переживаниями с другим. Однако Достоевский опровергает своего предшественника: ни одна исповедь, какой бы она ни была психологической и потрясающей, не достаточна, если она лишена откровенности и совести. И поэтому он переносит «глубинное молчание» Печорина в Ставрогина, превращая Печорина в скрытую настоящую сущность своего героя. Писатель откидывает плащ романтической условности, показывая неумолимую уродливость нравственного разложения личности.

ЛИТЕРАТУРА

Stenbock-Fermor E. Lermontov and Dostoevskij's novel *The Devils* // *The Slavic and East European Journal*. Vol. 3 (XVII). — № 3. (Autumn, 1959). — pp. 215–230.

Достоевский Ф. М. Полное собрание сочинений в 30 тт. 1972–1990. — Л.: «Наука».

Т. 10. — Л., 1974а.

Т. 11. — Л., 1974б.

Т. 12. — Л., 1975.

Егоренкова Г. И. Проблема общественной психологии в романе Достоевского «Бесы» // *Известия АН СССР. Серия литературы и языка*. 1978. — Т. 37. — № 6. — С. 483–496.

Щенников Г. К. «Журнал Печорина» и «Исповедь» Ставрогина: анализ деструкции личности // *Известия Уральского государственного университета. Гуманитарные науки*. — Вып. 3. Филология. 2000. — № 17. — С. 154–162.

ДАнные об авторе

Христо Манолакев — кандидат филологических наук, доцент, преподаватель русской литературы XIX в. в Велико-Тырновском университете им. Свв. Кирилла и Мефодия (София).

Адрес: 1040, София, ул. «15 ноември», № 1.

E-mail: filclass@yandex.ru

ABOUT THE AUTHOR

Hristo Manolakev is a Doctor, Docent, Lecturer of Russian Literature XIX century in Veliko Tarnovo University of Cyril and Methodius.